

В Великой Чжоу императорские аудиенции проходили не каждый день. За вычетом выходных, выпадавших раз в десять дней, годовщины восшествия на престол, дня рождения государя и других официальных праздников, обычные заседания собирались каждые три дня. На них являлись столичные чиновники пятого ранга и выше.

В начале и середине каждого месяца проводились большие аудиенции, и тогда во дворец обязаны были являться все находящиеся в столице чиновники не ниже седьмого ранга — как столичные, так и прибывшие из провинций.

Существовал и другой вид заседаний — малые советы. На них собирались исключительно доверенные лица государя, твердо входившие в круг верных сторонников престола. Постоянного списка участников не было: император сам решал, кого призвать.

Вот и сейчас император Цзяньюань велел созвать министра налогов и академика Академии Ханьлинь на срочный совет.

Из ворот императорского дворца спешно выехали два отряда. Первый направился напрямик в уезд Шаоюань, второй же разделился, чтобы доставить во дворец министра Юя и академика Ваня.

Визит к министру налогов был делом понятным: он ведал землями, податями и зерном по всей Поднебесной, так что земледелие напрямую входило в его обязанности. Пригласить его было самым логичным решением.

А вот академик Ханьлинь отличался от обычных придворных чинов. По сути, вся вверенная ему канцелярия служила личным секретариатом государя: ученые мужи разбирали доклады, составляли черновики указов и помогали императору накладывать резолюции киноварью.

Академик стоял во главе академии и считался главным советником государя. А раз так, то при любых непредвиденных обстоятельствах его могли поднять с постели и немедленно привлечь к службе.

Единственным ведомством, разделявшим эту незавидную участь — быть готовым к вызову в чертоги в любое время дня и ночи, — являлось Императорское медицинское управление.

К счастью для врачей, этой ночью никаких происшествий не случилось, поэтому из сна вырвали лишь академика Ваня. Спешно разбуженный управляющим, старик поспешил во дворец.

Цзянь Умянь еще не подозревал, что в уезд Шаоюань вот-вот нагрянет очередная проверка из ведомства Парчовых стражей, а генералу Сюэ Вэню, который так охотно снабжал уезд

деньгами с подвластных ему островов, придется срочно отбыть в столицу с докладом.

Впрочем, отъезд генерала мало беспокоил уездного судью — главное, чтобы казна исправно пополнялась.

Строительство пристани в Шаоюане велось с небывалым размахом и требовало огромных средств. Государственные тракты тоже нуждались в уходе: из-за летнего зноя бетонное покрытие могло потрескаться, и его следовало вовремя латать. На вторую половину года планировалась прокладка водостоков и укрепление речных плотин, а местным мастерским предстояло решить, расширять ли штаты или, напротив, умерить пыл, исходя из рыночной обстановки. Ради этого в уездной управе созвали совещание по итогам полугодия.

Поскольку ведавшего финансами советника Цзяня в уезде не было, помощник судьи Чжоу устранился от дел, а советник Линь еще только разбирал архивы, Цзян Умяню пришлось лично засесть за расчеты.

Подведя итоги, он пришел к очевидному выводу: расширять производство можно лишь после того, как наберется достаточно рабочих рук.

К счастью, окраинами города уже заинтересовались купцы из соседних уездов, начавшие обустраивать там свои представительства. Тянулись в Шаоюань и простые крестьяне из окрестных деревень. Еще бы, ведь уездные власти совершенно бесплатно обучали всех желающих тонкостям приготовления новых удобрений!

Те, у кого в городе была родня, давно проводали: нынешний урожай в уезде превзошел прежние сборы чуть ли не втрое. Местные везли рис домой мешок за мешком! Приехав же лично, переселенцы изумлялись еще больше. Оказалось, богатыми были не только закрома: шелк и тонкая газовая ткань здесь стоили дешевле, чем у них на родине, но при этом торговля ими все равно приносила немалую выгоду!

Кроме того, управа вывесила указ о том, что зимнее обучение грамоте продолжится. А чтобы крестьянам не приходилось тратить время на дальнюю дорогу до государственной школы в уездном городе, во время зимнего затишья прямо в деревнях решено было открыть частные школы. Возведение зданий, закупку бумаги и кистей управа брала на себя, жителям же оставалось лишь вкладчину оплачивать труды наставников. Едва эти вести разнеслись по округе, как приток переселенцев в Шаоюань принял невиданный размах.

Парчовые стражи прибыли в Шаоюань в самый разгар великой стройки. Им даже не пришлось ни о чем расспрашивать: достаточно было изучить доски объявлений у ворот управы да проехаться по деревням, чтобы вся картина прояснилась сама собой.

Еще до начала осенней жатвы на севере соглядатаи вместе с генералом Сюэ Вэнем вернулись в столицу. Собранные сведения незамедлительно легли на императорский стол. Государь Цзяньюань, министр Юй и академик Вань долго сверяли донесения с присланным ранее отчетом Цзян Умяня. Ознакомившись со всеми бумагами, три государственных мужа

погрузились в глубокое молчание.

Наконец император прервал молчание:

— Жду ваших суждений, любезные министры. Говорите без утайки.

Академик Вань немного подумал и произнес:

— В уезде уже завершились испытания, новый способ удобрения полей успешно применяется повсеместно, и никаких пагубных последствий не замечено. Более того, прознав об этом, купцы из области Цзяннань поспешили туда ради закупок. Полагаю, нам следует как можно скорее распространить этот опыт на другие земли, дабы приумножить закрома к следующей осени.

Зачем терять драгоценное время и лишать казну прибыли, когда польза дела доказана наглядными примерами?

Министр Юй, однако, не разделил этого поспешного энтузиазма. Обратившись к сути упомянутого в отчете метода, он возразил:

— Позволю себе не согласиться. Снадобье сие, бесспорно, превосходно, но северные земли разительно отличаются от южных. Почвы разные, культуры тоже, а значит, и к удобрениям подход требуется особый. В Линнани рис дает два урожая в год, тогда как в Цзяннани и Хуайнани — лишь один. Рецепт не может быть одинаковым для всех. Вспомните изогнутый плуг для заливных полей: продвигаясь с юга на север, он претерпел немало изменений, прежде чем прижился. Если Ваше Величество желает внедрить новшество повсеместно, сперва необходимо заложить опытные угодья для проверки.

Разумеется, бумаги, составленные Цзян Умянем и Се Яньханом, отличались редкой дотошностью. Их подробный отчет не упускал ни единой мелочи и мог убедить кого угодно.

Но любое решение Министерства налогов затрагивало судьбы миллионов подданных. Вопрос урожайности — это становой хребет Великой Чжоу, и тут нельзя было действовать наобум. Для министра Юя было куда лучше потерять один год, чем допустить роковую ошибку из-за спешки.

До этого дня император Цзяньюань созывал немало тайных советов, так что все доверенные сановники уже были в курсе дела. Двор разделился на два лагеря: одни требовали повременить, другие — немедленно опробовать метод на практике. И у тех, и у других имелись веские доводы.

Когда первое ликование от ошеломительных новостей улеглось, государь взглянул на рецепт удобрения, переписанный стражниками с шаюаньской доски объявлений. Судья Цзян

превозмог сам себя, предав столь ценные сведения огласке без тени робости.

— Завтра на большой аудиенции объявим об этом советникам, — решил император. А уж там пусть кричат и спорят сколько душе угодно — истина родится в споре.

Император скользнул взглядом ниже. Секретный доклад Парчовых стражников изобилует подробностями. Они не поленились переписать слово в слово все указы и даже привезли с собой образцы шаоюаньских изделий: учебные пособия государственной школы, бумагу с водяными знаками, ткани, фарфор, красный кирпич и так называемый цемент.

В донесении сообщалось, что в государственной школе ввели новые порядки: наряду со священными канонами «Четверокнижия» и «Пятикнижия» простолюдинам, не надеявшимся сдать государственные экзамены, преподавали более приземленные, но полезные вещи — простое чтение, письмо, основы счета и ведение хозяйства. А открывшиеся в уезде многочисленные мастерские позволяли крестьянам подрабатывать в свободное от полевых трудов время.

По знаку управляющего Ци слуги внесли в кабинет привезенные дары.

Книги были напечатаны на местной бумаге: гладкой, хотя и уступавшей по качеству изысканным дворцовым сортам, но заметно более мягкой, чем та, что использовалась повсеместно.

Шелка на вид казались самыми обычными. Однако соглядатаи вывели, что ткацкие станки в Шаоюане установлены у самой реки и приводятся в движение силой воды, из-за чего производство не останавливается ни на миг. Тканей скопилось столько, что цены на них упали на треть! Предприимчивые стражники скупили пол-лады этого товара: раз государю простая ткань без надобности, они выгодно сбудут ее на столичном рынке.

Министр Юй не на шутку встревожился. Разглядывая невзрачное полотно, он с глубокой озабоченностью произнес:

— Государь, если так пойдет и дальше, ткацкие мануфактуры Шаоюаня приберут к рукам всю торговлю пряжей в провинции Линнань!

Император Цзяньюань лишь отмахнулся и нашел в бумагах описание водяных станков:

— Силы человеческие не бесконечны, тогда как речной поток бежит вечно. Однако сие устройство слишком зависит от капризов природы. Ткать без усталости оно способно лишь в половодье, в засуху же превратится в бесполезную грудку дерева.

Зависимость от уровня воды сводила на нет все преимущества высокой производительности. Так что ткацкие успехи Шаоюаня пока оставались временным явлением. Вслед за тканями

отложили в сторону и уездный фарфор — грубые белые чаши казались верхом безвкусицы на фоне столичного изящества, хотя для глухой провинции подобные поделки вполне годились в качестве заработка.

Ткачество и гончарное ремесло императора не прельстили. Его внимание привлекли красный кирпич и так называемый цемент, причем последний вызвал особый интерес. В Шаоюане эту серую смесь использовали повсюду: мостили тракты, прокладывали дороги между деревнями и укрепляли речную пристань.

Посланникам повезло оказаться в уезде в разгар строительных работ. Наблюдая за укладкой дорог и укреплением причалов, они за полдня переняли основы обращения с новым материалом.

По счастью, стражники проявили завидное любопытство и досконально изучили весь процесс. В противном случае, упусти они детали, им бы достались лишь растрескавшиеся, осыпающиеся куски застывшей смеси — вроде тех первых неудачных образцов, которые получил в своих опытах даос Цзинь Бухуань. Те ломались от малейшего усилия.

Вещь-то была отменная, да только требовала уйму рук и сырья.

Уездный судья Цзян решился замостить весь уезд лишь потому, что под боком у него имелись богатые залежи известняка, да и сама территория Шаоюаня была крошечной. А ну как раскинуть это на всю империю?

Решился император проложить мощеную цементом дорогу от столицы до летней резиденции, министр Юй и академик Вань, не дожидаясь завтрашнего утра, прямо здесь расшибли бы себе лбы в знак протеста!

Но министр Юй усмотрел в находке иную выгоду:

— Государь, если смешать сей порошок с песком и известью, получится превосходный раствор для кладки плотин и городских стен. Быть может, начнем испытания с этого?

В секретном донесении особо отмечалось, что на шаоюаньской пристани использовали именно такую смесь, пускай точные пропорции и оставались тайной. Подобным же образом укрепляли и уездные стены, и лишь для мощения дорог применяли чистый цементный раствор.

Очевидно, известь с песком служили лишь связующим веществом, а прочность всей конструкции обеспечивал именно новый состав.

Министр быстро прикинул в уме: если судить по шаоюаньским расходам, этот состав обходился вдвое дешевле традиционных растворов. Если при починке всех крепостных стен империи перейти на смесь песка и цемента, сэкономленных средств хватит, чтобы покрыть годовые

подати всей страны!

С такой бережливостью Министерству налогов больше не пришлось бы трястись над каждым медяком. Да и самому Юю не пришлось бы бегать от просителей. Стоило казне открыть сундуки, как его тут же осаждали разгневанные сановники, требуя подписать ассигнования и выдать серебро!

Вспомнив, в какие астрономические суммы выливается ежегодный ремонт речных дамб и спасение пострадавших от наводнений провинций, император Цзяньюань заметно оживился:

— Завтра же вынесем этот вопрос на обсуждение.

\*\*\*

После окончания большой аудиенции придворные один за другим покидали залы дворца.

Дело государственной важности невозможно было решить за один день. На споры и согласования уйдет по меньшей мере полмесяца.

Когда речь заходила о рисе — основе народного пропитания, — никто не желал тешить себя напрасными надеждами. Каждому сановнику хотелось сперва лично убедиться в надежности сведений, а уже потом решать, как распространять новшество.

Едва переступив порог тронного зала, министр Юй собрал своих подчиненных, чтобы вернуться к делам в ведомстве. Заметив в толпе одного из них, он негромко окликнул:

— Помощник министра Ху, задержитесь на минуту.

— Слушаю вас, господин министр, — отозвался тот.

Помощник министра Ху последовал за начальником в малый кабинет, где обычно работал министр. В комнате сладко пахло цветущим османтусом — этот густой аромат надежно скрывал вьевшийся в стены запах чернил и старой бумаги.

На столе красовалось карликовое дерево. Юй небрежно плеснул в кадку воды из пиалы, уселся поудобнее, подождал, пока слуги разольют чай, и лишь тогда перешел к делу:

— Торговый караван вашей семьи не так давно вернулся из Шаоюаня. Ваши люди видели все своими глазами. Быть может, поведаете мне то, о чем умалчивают отчеты?

У помощника министра подрастал сын, молодой господин Ху Чэнь. Прошлой зимой юноша

сопровождал проводника Ху Чжэна в поездке на юг и по возвращении захлеб рассказывал отцу о диковинных серых дорогах, которые мостят в той глуши.

Помощник министра Ху почтительно поклонился:

— Мой непутевый сын действительно вел там дела. Но по возвращении в столицу он поминал лишь диковинный цемент для дорог. Про новые удобрения он слыхом не слыхивал — судя по всему, уездный судья Цзян взялся за них уже после того, как наш караван покинул уезд.

И это было чистейшей правдой. Когда купцы гостили в Шаоюане, уездные власти повсюду налаживали добычу руды, мастерили на продажу плуги для заливных полей и спешно обжигали цемент. Опытные поля под началом Чэнь Пина тогда еще не дали первых всходов, и о повсеместном внедрении удобрений никто не помышлял.

Лишь после отъезда гостей труды земледельцев увенчались успехом, и управа объявила о начале обучения крестьян.

Министр Юй въедливо сопоставил даты — все сходилось с отчетом минута в минуту. Расспросив о сроках, он принялся выпытывать подробности о пресловутом дорожном строительстве.

Описание удобрений в отчете Цзян Умяня было безупречным — детальным, доказательным и строгим. А вот разделы о строительстве цементных дорог составлял старый лис Се Яньхан. Старик изъяснялся столь туманно, что даже Парчовые стражи воротились ни с чем, предоставив лишь обрывочные сведения. Разобраться в этом деле без подсказок помощника министра Ху было решительно невозможно.

«И почему этот Цзян Умянь не мог расписать все так же подробно, как про свои навозные кучи!»

Юй мысленно сокрушался, втайне сожалея, что не расспросил обо всем раньше.

<http://bllate.org/book/19045/2005034>